

ПРОЛОГ

Ноябрь 1965 года

Норман Дарби покусывал нижнюю губу и стучал пальцами по клавишам, с силой впечатывая буквы в страницу. Краска ещё не успела высохнуть, когда из кабинета мистера Клива раздался рёв:

— Дарби! Если ты будешь работать ещё медленнее, то отправишься назад во времени! Эта статья нужна мне немедленно!

— Почти готово, мистер Клив! — откликнулся Дарби и съёжился. — Остались только последние штрихи...

— Это новости, а не Шекспир, Дарби. Неси мне статью!

Газета «Равен Брукс баннер» была местом не для слабых духом. Конечно, Норман об этом слышал, но он и представить не мог, насколько часто ему придётся принимать средства от изжоги, которую босс вызывал у него каждый день.

Продолжая думать о таблетках от изжоги, Норман расправил плечи и выпрямился. *Сегодня твой день, Норман*, произнёс он про себя, набрался смелости и развернул последнюю страницу своей статьи. *Пришло время показать ему, кто такой Норман Дарби — журналист, занимающийся расследованиями.*

Норман вошёл в кабинет мистера Клива. Однако тот даже не взглянул на него.

Кабинет главного редактора был олицетворением кошмаров. По крайней мере для Нормана Дарби. Не меньше двух раз в неделю он просыпался в холодном поту, потому что ему снились бежевые шкафы для документов, прочный деревянный стол, пластиковое растение, которое — Норман мог в этом поклясться — казалось умирающим, хотя и не могло умереть. Может быть, оно просто *хотело* умереть. Ему снилось медное пресс-папье, с которым мистер Клив ни на

секунду не расставался, даже когда выходил из кабинета выпить стакан воды. Но чаще в кошмарах Нормана Дарби преследовал призрак мистера Клива с могучими костяшками пальцев и такой острой стрижкой под «ёжик», что кончики его волос могли бы разрезать стекло. А когда Норман не спал, он был на работе и видел всё это вживую. Как сейчас.

Мистер Клив царил в своих владениях, как король, а Норман Дарби был его страдающим слугой.

Но только не сегодня.

— Долго же ты возился! — прорычал мистер Клив, протягивая руку за копией и не сводя взгляда с лежавшей перед ним корректуры.

Норман медленно и глубоко вдохнул и подал страницы своему начальнику. Он знал, что эта статья может навсегда решить его судьбу, и он станет известен либо как неггибаемый журналист по расследованиям, каким он сам себя считал, либо шут газеты «Равен Брукс баннер».

Мистер Клив с такой скоростью выхватил страницы из рук Нормана, что порезал ему палец, но Норман даже не поморщился. Он

не посмел этого сделать. Вместо этого он стал ждать реакции босса на заголовок, над которым так долго трудился.

Норман не собирался задерживать дыхание. Он даже не заметил, что сделал это, пока не начал задыхаться. Оставалось надеяться, что ингалятор где-нибудь поблизости. И что мистер Клив прочтёт заголовок. Или, наоборот, не прочтёт. Очертания предметов

в комнате стали размываться. Ему это только кажется или пресс-папье действительно начало светиться?

Норман прислонился к двери и уже собирался повернуться и уйти, когда произошла странная вещь.

Мистер Клив поднял голову.

Норман Дарби гордился своей способностью разбираться в выражениях человеческих лиц. Он был в этом настоящим мастером. Он видел, когда человек счастлив, когда боится, а когда нагло лжёт. И это тоже делало его хорошим журналистом по расследованиям.

Но мистер Клив был единственным человеком, которого Норман никогда не мог понять. Выражение его лица никогда не соответствовало его голосу. Реакции не совпадали с движениями. А выражение глаз редко совпадало с движением губ.

Одним словом, он был непроницаем.

И в этот момент мистер Клив был для Нормана Дарби ещё более непроницаемым.

Между ними повисло странное молчание. И внезапно Норману стало нехорошо, возможно, потому что он слишком долго задерживал дыхание.

И в это невероятное мгновение мистер Клив указал на стул по другую сторону своего величественного деревянного стола.

— Мистер Дарби, почему бы вам не присесть?

А потом мистер Клив сделал то, чего Норман никогда прежде не видел, даже когда «Равен Брукс баннер» получил третий по счёту приз года или когда одна из дизайнеров испекла для всех шоколадные чизкейки.

Мистер Клив улыбнулся.

Норман Дарби начал опускаться на стул. Вот оно! Этот момент настал. Его момент. Босс Нормана, неподражаемый мистер Клив, был готов выслушать его идеи.

Но прежде чем Норман успел опуститься на стул, мистер Клив его остановил:

— И закройте дверь.

Норман замер на месте, вглядываясь в лицо босса и пытаясь понять, не ошибся ли он. Но вместо этого ему снова показалось, что он видит слабое сияние, исходящее от медного пресс-папье, которое мистер Клив всегда держал под рукой. Но ведь это невозможно, правда?

Норман встал и закрыл дверь.

ГЛАВА 1

Б *лики света в глазах. Моя голова. Моя голова... Меня сейчас стошнит.*
— Эй! Всё в порядке, Аарон, всё нормально! Мы всё уберём, ложись.

Мужчина в зелёной медицинской одежде смотрит на пол с таким видом, как будто не знает, что делать. Его руки беспомощно свисают по бокам.

— Доктор Малькольм, всё... Ох!

Появляется женщина в голубом медицинском костюме и тут же застывает на месте. Её молчание наполняет всю комнату, как будто хочет, чтобы его заметили.

— Меня на него стошнило, — говорю я и держусь за край кровати, цепляясь за тонкий матрас и стараясь подавить очередной приступ тошноты.

— Я позову уборщика, — говорит медсестра и выходит из палаты.

— И принесите новый костюм! — кричит ей вслед доктор Малькольм.

В коридоре раздаются ужасающе громкие скрипучие шаги. Я крепко зажмуриваю глаза и падаю на тонкую подушку.

— Он пришёл в себя? Кажется, я слышал...

Я тут же узнаю папин голос, и не знаю почему, но как только он заходит в палату, я начинаю плакать. Внезапно мне снова четыре года, я напуган и растерян, и только папа может меня спасти. Я не открываю глаза. Меня сотрясают беззвучные рыдания, голова раскалывается, но папины руки обхватывают меня за шею, он прижимает мою голову к своей груди и утешает меня, как будто мне приснился кошмар.

Но это не кошмар. Я не знаю, что это, но я определённо не сплю.

Я слышу в палате скрип колёсиков, потом шлёпанье швабры, слышу, как медсестра подаёт врачу новый халат, потом врач уходит, медсестра осторожно берёт меня за руку, измеряет мне давление, температуру, берёт иглой кровь и исчезает.

Всё это время папа не произносит ни слова: он продолжает утешать меня, хотя я уже перестал плакать. Он прижимает мою голову к себе, обхватив её своей могучей рукой. Его ладонь бережно поддерживает мой затылок.

— Итак, — снова раздаётся голос доктора, и только после этого папа отпускает меня, и я ложусь на подушку.

— Травма головы может быть крайне неприятной, — произносит доктор, качая головой. — Привет, Аарон! Я доктор Малькольм.

Малькольм. Как мой учитель во втором классе. Кажется, я это помню.

Я чувствую, как напряжён папа.

— Он...

Врач поднимает руки и прижимает ладони друг к другу, как будто отгоняя страх.

— Мы провели все тесты, и пока всё в норме. Аарон полностью поправится. Он пережил серьёзное падение.

Серьёзное падение.

Если бы в моём мозгу не стучал гонг, может быть, я бы вспомнил это падение. Откуда? Куда? Моя память превратилась в чёрную дыру.

Но папа, кажется, в курсе всего и продолжает задавать вопросы, прежде чем в моей голове успевают оформиться мысль.

— Когда мы сможем забрать его домой? — спрашивает он.

— Если всё будет нормально, то завтра, — отвечает доктор Малькольм.

Вскоре мой папа и врач начинают тихо переговариваться, но их голоса всё равно причиняют мне боль. Я стараюсь сосредоточиться на капанье воды из крана, которое доносится из ванной комнаты рядом с моей кроватью. Этот ритмичный звук эхом отдаётся под моими закрытыми веками, и я стараюсь использовать его, чтобы унять боль, но в этом звуке есть что-то знакомое и слишком пугающее, чтобы меня успокоить.

Как будто это эхо в просторной сырой комнате.

В тоннеле.

И тут воспоминания накатывают волной: тоннель, ведущий от метеорологической станции, сломанный фонарь, который должен был лежать в старом кабинете моих бабушки и дедушки, кровавое пятно на кошельке с удостоверением мистера Гершовица.

Меня охватывает паника, и на мгновение я даже забываю о слепящей боли в голове. Я сажусь на кровати, хватаю папу за руку и прерываю его беседу с врачом:

— Вы его нашли? Фонарь в тоннеле? Я провалился сквозь стену, но я этого не хотел, а потом вдруг я побежал, или мне это показалось. Было так темно, и, кажется, там был кто-то ещё... Папа, ты нашёл его кошелёк? Кошелёк мистера Гершовица?

— Аарон, успокойся, — тихо говорит папа, отцепляя мои пальцы от своей руки, но я уже не могу остановиться. Вопросы сыплются из меня, и мне срочно нужны ответы.

— Но ты его нашёл?

— Аарон! — шипит папа, широко раскрывает глаза и незаметно поворачивается спи-